

ПРОТОКОЛ ОЧНОЙ СТАВКИ
между ЗИНОВЬЕВЫМ, Григорием Евсеевичем, и
САФАРОВЫМ, Георгием Ивановичем,

11-го января 1935 года.

ВОПРОС САФАРОВУ: Расскажите о Ваших переговорах с ЗИНОВЬЕВЫМ в 1932 году?

О Т В Е Т: Я должен начать с того, что перед тем, как встретиться с ЗИНОВЬЕВЫМ, я встретился с рядом лиц из представителей антипартийных группировок, и эти предшествующие встречи были подготовкой к встрече с ЗИНОВЬЕВЫМ. Примерно, с весны 1932 года, начинается большое оживление среди всех антипартийных и антисоветских группировок, пытающихся использовать временные затруднения для борьбы против партии, для борьбы против партийного руководства. С ЗИНОВЬЕВЫМ я не встречался после XV-го съезда партии, когда я отошел от зиновьевцев с антипартийной группой "безвозденцев".

Примерно, весной, или в начале лета 1932 года, в Москву приехал МРАЧКОВСКИЙ, Сергей Виталиевич, с которым лично я был связан очень близко. Отношения с ним у меня порвались после моего возвращения в ВКП/б/. Тут мы с ним встретились у него на квартире на Тверском бульваре и завели разговор на антипартийные темы. Я высказал ему такие взгляды: что у руководства партии нет линии; что мы стоим перед угрозой размычки между рабочим классом и крестьянством.

Одновременно я говорил с МРАЧКОВСКИМ об ошибках троцкистско-зиновьевского к.-р. блока по вопросу о построении социализма в одной стране, о термидоре; МРАЧКОВСКИЙ кисло принял мои указания на ошибки, неопределенно поддакивая. Зато мой практический вывод, что нужно вести борьбу против руководства, он поддержал всемерно, и тогда я выдвинул мысль о том, что нужно выработать документ-

платформу, в котором и изложить свои взгляды, и этот документ с подписью двух десятков старых членов партии подать в ЦК.

У МРАЧКОВСКОГО это предложение сочувствия не вызвало, но сразу он поставил вопрос: вижусь ли я с ЗИНОВЬЕВЫМ? Я сказал: "Ты сам знаешь, что отношения у нас разорвались". Он ответил: "Но, ты должен видеться с ЗИНОВЬЕВЫМ и ЕВДОКИМОВЫМ, потому что такие дела надо решать с ними". После этого МРАЧКОВСКИЙ меня свел с Иван Никитичем СМИРНОВЫМ - троцкистом и разговор со СМИРНОВЫМ шел в той-же плоскости.

ВОПРОС САФАРОВУ: Где Вас свел МРАЧКОВСКИЙ со СМИРНОВЫМ?

ОТВЕТ: Мы встретились у СМИРНОВА на квартире, на Крымской площади. Разговор шел о том же, - о практической форме выступления против руководства. К той форме, которую я предлагал, МРАЧКОВСКИЙ и СМИРНОВ отнеслись скептически, но оба, одновременно, настаивали на том, что я должен видеться с ЗИНОВЬЕВЫМ и ЕВДОКИМОВЫМ.

Эта настойчивость мне стала более понятной после того, как уже осенью 1932 года я провожал МРАЧКОВСКОГО. Пришел к нему в вагон и там неожиданно для себя увидел ЕВДОКИМОВА. Была узкая компания троцкистов; МРАЧКОВСКИЙ, СМИРНОВ, Шура САФОНОВА, ВАГАНЬЯН, Петр ПЕРЕВЕРЗЕВ и ЕВДОКИМОВ. МРАЧКОВСКИЙ эту связь с ЕВДОКИМОВЫМ скрывал. Он сам почувствовал неудобство и сказал: "Ты не смущайся, Георгий, здесь все свои". О своей близости с ЕВДОКИМОВЫМ он при первых встречах не упоминал. Перед встречей/с ЗИНОВЬЕВЫМ я виделся также с СМИЛГОЙ.

ВОПРОС САФАРОВУ: Где была встреча?

ОТВЕТ: На квартире у СМИЛГИ, это было перед встречей с ЗИНОВЬЕВЫМ, 15 июня 1932 г. я был призван в армию, а это произошло до этого момента. СМИЛГА заявил, что на-лицо угроза размычки между рабочим классом и крестьянством; с экономикой все идет вверх

тормашками; цифры строительства дутые и, как он говорил, фактически имеет место инфляция, которая сорвет все государственные попытки регулирования народного хозяйства: наступает очень острый момент. Он добавил: "Я знаю твой темперамент, пожалуйста, не торопись". Он опять-таки говорил: "Почему не видишься с ЗИНОВЬЕВЫМ?"

Приводили мне эти же доводы об остроте положения и Иван Никитич СМЕРНОВ и МРАЧКОВСКИЙ в обоснование того, что я должен встретиться с ЗИНОВЬЕВЫМ.

СМИЛГА в своем разговоре со мной развил свой взгляд на общее положение, в связи с тем, что я выдвинул свое предложение об обращении в ЦК за подписью двадцати старых партийцев. Он, в связи с этим, сказал: "Ну, тут нужно подождать, пока они раздерутся. В ЦК есть две группы, которые ведут между собой борьбу, пусть они раздерутся, и мы тогда выступим". Он пытался дать свою оценку положению дел в стране, в рабочем классе и в партии. По линии экономики я уже изложил как обстояло дело. Объясняя почему взгляды контр-революционных, антипартийных группировок не встречают поддержки в партии и в рабочем классе, он развил теорию об "окрестьянивании" рабочего класса. Он говорил так: - в результате огромного строительства, на строительные работы и на заводы хлынула огромная масса новых людей "мужиков", "деревенщины", они "затопили" основные кадры рабочего класса и это отражается на положении в партии. "Мужик осиливает рабочего".

Расставаясь со мной, СМЕРНОВ заметил: "Вот, я вижу с Львом Борисовичем, - умнейший экономист, а при таком трудном положении в стране он находится вне руководства!". СМЕРНОВ напомнил мне, что нужно повидаться с ЗИНОВЬЕВЫМ и КАМЕНЕВЫМ.

Перед встречей с ЗИНОВЬЕВЫМ я виделся также с ВАРДИНЫМ, который меня часто посещал. Он принадлежал ранее к той-же антипартийной "безвозденской" группировке, что и я. ВАРДИН, в это время метался

тоже в поисках платформы и стремился к сколачиванию к.-р. блока всех антипартийных группировок.

В частности, в показании я сообщал об инциденте, который произошел с ЛОМИНАДЗЕ. МАДЬЯР мне передал, что ЛОМИНАДЗЕ и СТЭНОМ пишется какая-то платформа. Этот разговор я передал ВАРДИНУ, который известен своей болтливостью. Он сразу же пошел к ЛОМИНАДЗЕ и сказал ему об этом. ЛОМИНАДЗЕ прибежал ко мне на дом и стал расспрашивать откуда у меня подобные сведения, стараясь уверить, что платформы пока нет. Когда я стал излагать ему антипартийную оценку положения, он отнесся к ней вполне одобрительно и сказал: "Будем поддерживать контакт".

ВАРДИН виделся после этого разговора со мной. Я ругал его за болтливость, ибо МАДЬЯР просил не передавать ЛОМИНАДЗЕ о его сообщениях, а это стало причиной недоразумения. ВАРДИН также спрашивал: почему я "не вижу сь с Григорием".

МАДЬЯР играл роль агента зиновьевской организации в Коминтерне, собирал и разносил всяческие сплетни и соответствующим образом преподнесенные к.-р. "информации". Он сам интриган и сплетник, типичный выразитель того духа, внутренней эмигрантщины, которым пропиталась вся подпольная "жизнь" всех к.-р. антипартийных групп, и в частности и, в особенности, зиновьевской организации. МАДЬЯР сказал "Вас хочет видеть Григорий", настаивал на этом свидании и требовал, чтобы я отправился к ЗИНОВЬЕВУ на дачу, причем указывал точно время и место: - кажется, половина четвертого дня в июле.

Встреча состоялась между 10 и 15 июля. Я хорошо помню эти обстоятельства потому, что тогда я полтора месяца проходил переподготовку по 4-му управлению РККА. Я приехал к ЗИНОВЬЕВУ в военной форме, уже к концу переподготовки.

В половине четвертого я был в Ильинском, зашел на дачу к ЗИНОВЬЕВУ. КАМЕНЕВА не было, прошли в сад, сели на срубленном пне, где и имели длинный разговор. Я изложил свою концепцию, остановился на делах в Коминтерне, доказывал, что коминтерновское руководство никуда не годится, что партии совершенно не подготовлены к решению тех задач, которые стоят перед ними. ЗИНОВЬЕВ поддакивал, а дальше завязалась беседа настолько продолжительная, что я выехал в 8-м часу. Существо беседы заключалось в следующем: Я изложил ЗИНОВЬЕВУ свое предложение об обращении в ЦК с документом. ЗИНОВЬЕВ сказал: "Ну, знаете, ^{мы} сидим в окопах, выставишь палец - отстрелят. Это-как на фронте".

ВОПРОС САФАРОВУ: Кто это-мы?

ОТВЕТ: Мы - это все, принадлежащие к анти-партийным группировкам. Так как это было сказано после того, как я изложил свое "кредо", то совершенно понятно, что ЗИНОВЬЕВ имел все основания зачислить меня по штату своей к.-р. организации.

ЗИНОВЬЕВ сказал: "Трудности растут и обостряются. Это руководство ни внутренних, ни международных осложнений, при том положении, которое имеется, при борьбе внутри руководства, не может пережить. Оно распадётся, неизбежен кризис руководства, но нужно не очень спешить, считаться с обстоятельствами и учитывать обстановку".

Сказав это, он тут же добавил: "Что-же, время сейчас такое, что так в воздухе и носится чтобы писать платформу". В ответ я заметил, что очевидно и нужно писать платформу. Он на это сказал "Вы знаете, по-моему, в старой платформе очень многое не устарело и со многим, что в ней есть, сейчас можно выйти в свет без боязни".

Я тогда возразил, что мы ошиблись по двум вопросам; по вопросу о построении социализма в одной стране и по вопросу о термидоре, что это - троцкистские штуки, и на этом мы разбили себе головы. ЗИНОВЬЕВ ответил: "Что об этом разговаривать, когда вы сами видите, что они из этого сделали - из построения социализма в одной стране; вы видите, что из этого выходит".

О термидоре он сказал: "Ну, это руководство - причина и источник всех бед и трудностей". Понимал он под этим не только ЦК, но и все руководство в целом. "Это руководство", говорил он, "представляет бюрократию, оторвавшуюся, изолированную, отчужденную от масс, и поэтому, естественно, не имеет связи с живой жизнью". Тут он перешел к сообщению, которое он получил из Ленинграда. В Ленинграде, мол, очень тяжелое продовольственное положение рабочих, очень трудное положение рабочих вообще. Он говорил о бюрократическом, пренебрежительном и презрительном отношении к рабочим, не старым рабочим, ленинградским кадровикам. "Старые рабочие на предприятиях чувствуют себя как бы чужими".

Я говорю об этом подробно, чтобы обрисовать тот дух внутренней эмигрантщины, полного к.-р. вырождения, который вполне господствовал над нами. Вообще, надо называть вещи своими именами.

ЗИНОВЬЕВ говорил: "Рабочий сейчас сказать ничего не может потому, что какойнибудь назначенный секретарь, или сопливый комсомолец, сейчас же его проработает; старый рабочий чувствует себя чужаком на производстве". От него я услышал более развернутое повторение теории об окрестьянивании пролетариата.

ВОПРОС САФАРОВУ: Вы слышали это от ЗИНОВЬЕВА?

О Т В Е Т: Да, именно! "Стройка расширила кадры пришельцев из деревни" - говорил ЗИНОВЬЕВ. "Бюрократическое руководство старый пролетарский актив оттеснило, пришел мужик, над мужиком - надстройка бюрократии, а к тому же - огромная роль молодежи". Тут он ссылался на то, что рассказывал КУКЛИН о Ленинграде, приводил в пример настроение семьи ЕМЕЛЬЯНОВА, его и сыновей.

Это ЗИНОВЬЕВ должен вспомнить - это точные и конкретные факты.

ЗИНОВЬЕВ говорил об омоложении пролетариата: "Что эти мальчики и девочки из комсомола?! Их покупают кино, удовольствиями, вольготной жизнью, возможностью идти в ВУЗ, пробыв пару лет у станка.

Можно делать что хочешь - выдвинуться в секретари и т.п."

По вопросу о взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства ЗИНОВЬЕВ говорил так: "ЛЕНИН писал, что нужно десять - двадцать лет правильных взаимоотношений с крестьянством, чтобы добиться победы, а СТАЛИН хочет проделать это в два года". Отсюда - угроза размычки, отсюда то, что непосредственно ведет к прямой угрозе диктатуре пролетариата.

ЗИНОВЬЕВУ я передал о своих разговорах с различными представителями антипартийных группировок, передал ему свои разговоры с МРАЧКОВСКИМ и Иван Никитичем СМИРНОВЫМ. ЗИНОВЬЕВ за это ухватился, - он знал, что с МРАЧКОВСКИМ мы были старыми приятелями, и сказал: - "Ну, да, они многому научились, с ними можно поговориться". ЗИНОВЬЕВ сказал, что нужно с ними продолжать отношения, что МРАЧКОВСКИЙ "энергичный человек, старый большевик".

Я передал ЗИНОВЬЕВУ о том, что виделся со ШЛЯПНИКОВЫМ и передал свою беседу со ШЛЯПНИКОВЫМ, который на мой вопрос о платформе, сказал: "Платформа у нас старая". А когда я его спросил - "какая это у Вас старая платформа?" то ШЛЯПНИКОВ ответил: "Старая, та с которой мы боролись против ЛЕНИНА".

ЗИНОВЬЕВ заметил: "Ну, насчет старой платформы, - это ерунда, но это старый большевик, его нельзя терять из вида".

Затем, разговор перешел к встрече с ЛОМИНАДЗЕ, с которым у меня произошло примирение после разрыва отношений из-за выпущенной мною книги, где я его прорабатывал. ЗИНОВЬЕВ сказал: "Смотрите, ЛОМИНАДЗЕ, СТЭН, - умные люди. СТЭН очень талантливый. Это - лучшая Сталинская молодежь, а как она теперь бешено настроена против этого руководства, против СТАЛИНА. Вот Лев Борисович КАМЕНЕВ как-то видел ТОМСКОГО, ТОМСКИЙ у них /в ЦК/ бывает - член ЦК. Говорит - сплошное убожество, жалкое зрелище. Он вполне согласен, что это руководство не может вывести страну из затруднений".

Затем, зашел разговор о других группировках. ЗИНОВЬЕВ заметил: "Не знаю уж, как вышло недоразумение с БУХАРИНЫМ. Но, вот, возьмите КОМАРОВА, УГЛАНОВА. Что у нас осталось от бывшей вражды против них? Все же это настоящие большевики".

ЗИНОВЬЕВУ я передал о беседе со СМИЛГОЙ, ЗИНОВЬЕВ очень одобрительно отозвался о СМИЛГЕ: "Старый, коренной большевик, идет с нами. Надо думать, что делать".

Из заявлений ЗИНОВЬЕВА об окрестьянивании пролетариата, из их буквального совпадения с заявлениями СМИЛГИ, из постоянной связи СМИЛГИ и КАМЕНЕВА я сделал вывод, что все это не случайно, что тут есть договоренность. Объявили пролетариат переродившимся, чтобы оправдать собственное контр-революционное перерождение.

ЗИНОВЬЕВ в разговоре указал: "СТЭН. написал платформу против руководства за внутрипартийную демократию. Встретитесь с Львом Борисовичем. У него есть эта платформа. Хорошо если-бы Вы познакомились и высказали Ваши соображения по этому вопросу". Речь шла, таким образом, о моем отношении к стеновско-рютинской платформе. Фамилию РЮТИНА ЗИНОВЬЕВ тогда не упоминал.

На этом свидании с ЗИНОВЬЕВЫМ, следовательно, состоялся формальный стговор со мной, а затем вся зиновьевская организация в Москве и в Ленинграде звонила, что "бешеный пришел к нам".

Когда я был у ГЕНЦБЕРГА, через несколько дней, он встретил меня приветствием: "Примирились с Григорием?! Ну, поздравляю". ЕВДОКИМОВ тоже меня встретил соответствующим образом.

с Когда у меня был разговор с ТОЛМАЗОВЫМ и СЕРЕДОХИНЫМ в Коминтерне в 1933 г., они выражали удовлетворение тем, что "все собрались воедино". В

Вот, примерно, основные и важнейшие пункты разговора с ЗИНОВЬЕВЫМ.

На коминтерновских делах я остановился бегло потому, что, когда я заговорил более подробно об этих делах, ЗИНОВЬЕВ перебил: "Я знаю от МАДЬЯРА, что там делается".

В заключение ЗИНОВЬЕВ сказал: "Надо нам чаще встречаться. Хорошо, чтобы Вы повидали Льва Борисовича. Вы должны видеть и ЕВДОКИМОВА, у Вас есть и ленинградские связи". Он имел в виду, прежде всего, следующее: в группе безвозденцев были бывшие комсомольские работники, которые потом оказались контр-революционерами, террористами-белогвардейцами.

ЗИНОВЬЕВ подчеркивал на прощание, что "нам нужно держать постоянный контакт и практически обсудить дело".

Основные моменты в своих показаниях по этому вопросу я обрисовал. Если имеются ко мне вопросы - я дополню.

ВОПРОС САФАРОВУ: Уточните, от кого шла инициатива сколачивания блока антипартийных групп?

ОТВЕТ: Если суммировать дело, то инициатива сколачивания блока, на мой взгляд, шла и от ЗИНОВЬЕВА, и от троцкистов, и от меня, причем, от ЗИНОВЬЕВА это шла не в меньшей мере, чем от меня. Свое преступление перед партией и Сов. властью я полностью признал. Что инициатива шла и со стороны ЗИНОВЬЕВА, это видно, прежде всего, из того, что, когда затем я встретился с ЕВДОКИМОВЫМ, то ЕВДОКИМОВ считал, что все вернулось к тому, что было в 1927 году, когда я состоял в руководящем центре троцкистско-зиновьевского блока.

ВОПРОС САФАРОВУ: Что Вам помешало осуществить этот блок?

ОТВЕТ: Я еще на этом остановлюсь. ЗИНОВЬЕВ и зиновьевцы хотели прикрыть свои непосредственные сношения с МРАЧКОВСКИМ и СМИРНОВЫМ, и делали вид, что я являюсь зиновьевским полпредом для сговора с этой троцкистской группировкой. В действительности, как для меня совершенно определенно выяснилось, у ЕВДОКИМОВА была прямая связь и близость с МРАЧКОВСКИМ и СМИРНОВЫМ, не меньшая, чем у меня с

с ними, если еще не большая. Насколько я знаю, МРАЧКОВСКИЙ с очень давних времен был человеком по части антипартийной конспирации человеком гораздо более сообразительным, чем ЗИНОВЬЕВ.

Он не допускает в свою группу людей, которым он не вполне доверяет. А у него в вагоне, при отъезде осенью 1932 г., были Шура САФОНОВА, Петр ПЕРЕВЕРЗЕВ, СМИРНОВ, ВАГАНЬЯН и ЕВДОКИМОВ. Это было неслучайное собрание. Я сообщил в показаниях, что, когда МРАЧКОВСКИЙ уезжал, то он сказал мне: "Если у вас что-нибудь наклонится насчет платформы, пиши мне", и дал телефон Шуры САФОНОВОЙ. Он указал, что вначале, через несколько дней, поедет ПЕРЕВЕРЗЕВ, - можно будет дать документ через него. Через несколько же недель поедет на Дальний Восток Шура САФОНОВА, и она может служить оказией.

В общем и целом, если взять основные пункты оценки и выводы, с точки зрения политического содержания - то платформа была готова. По вопросу об обращении в ЦК, которое намечалось мною, я оказался в одиночестве. ЗИНОВЬЕВ даже в разговоре со мной сказал: "Написать дело нетрудное. Нужно договориться, а потом сесть за стол и написать. Мы все - литераторы и нам не трудно это сделать". Эту фразу о литераторах я очень хорошо помню.

Почему это дело сорвалось? Совершенно ясно, что потому, что произошел разгром стеновско-рютинской группы. СТЕН, который был узловой фигурой во всей этой цепи, был арестован. Это вызвало соответствующую депрессию в настроениях. Потом был выслан сам ЗИНОВЬЕВ. После того, когда это произошло, я был у ЕВДОКИМОВА в 27 доме советов, и он говорил, что "сейчас надо выждать, потому что вышло не так, как предполагали".

Так сказал ЕВДОКИМОВ, причем я сильно возмущался, что заварили сыр-бор и опять получился писк, имея ввиду выступление ЗИНОВЬЕВА в ЦКК. ЕВДОКИМОВ мне ответил: "Ну, все-же ЗИНОВЬЕВ кое-что

сказал, что в стране чувствуется ^уневеренность и тревога".

Я возразил, что "это опять репетиция", попытки приложить ухо к земле". Сейчас надо сказать, что дело откладывается, "- ответил ЕВДОКИМОВ.

Затем был я у Ивана Никитича СМИРНОВА. Это было перед тем, как пойти к ЕВДОКИМОВУ, потому что здесь был известный промежуток времени между арестом СТЭНА и высылкой ЗИНОВЬЕВА. Когда арестовали СТЭНА и РЮТИНА, я пришел на квартиру к СМИРНОВУ и сказал ему: "Неужели мы будем садиться по кулацкой платформе? Вдруг нас сегодня или завтра арестует ОГПУ. Что мы будем говорить?". Он ответил мне: "Видите, что дело осложнилось, срок передвинулся. Пусть каждый колхоз решает за себя". Колхозом он называл свою организацию. Сказал он колхоз или "каждое хозяйство". Под "хозяйством" подразумевалась та или иная к.-р. антипартийная группировка или соответствующая организация. На этом разговор со СМИРНОВЫМ кончился.

Для меня совершенно ясно, и ясно это было для всех, что формальное объединение людей в контр-революционном блоке по существу состоялось, но платформы, записанной на бумаге, не вышло, вследствие разгрома ОГПУ стэновско-рютинской организации и высылки ЗИНОВЬЕВА.

ВОПРОС ЗИНОВЬЕВУ: Подтверждаете ли Вы показания САФАРОВА?

О Т В Е Т: Я буду подтверждать то, что частично верно, а что неверно тоже скажу. Мне неясно, САФАРОВ сказал, что он был у меня между 5 и 10 июля.

САФАРОВ: Нет, между 10 и 15 июля.

ЗИНОВЬЕВ: Я хотел установить, что вся история с рютинской платформой была значительно позже, и не мог я иметь эту платформу в июле м-це.

САФАРОВ: Вы отрицаете, что я был у Вас в военной форме?

ЗИНОВЬЕВ: Я не помню в какой форме.

САФАРОВ: Вы меня привыкли видеть в пиджаке, я и не имел привычки ходить с наганом, я же был тогда в военной форме, так как в тот период был призван на военные сборы в Красную армию.

ЗИНОВЬЕВ: Пусть будет в военной форме, я исхожу из даты, которую назвал сам САФАРОВ.

Я прошу следствие проверить, у Вас имеются все данные об этом, что в то время платформы РЮТИНА в моем распоряжении не было. Я говорил следствию не раз, что у меня воспоминания такие, что платформу я получил к концу лета, к осени, а в июле я не мог о ней знать. Это имеет огромное значение во всем этом деле.

САФАРОВ здесь говорит, что между 10 и 15 июля я отсылал его знакомиться с этой платформой к ВАМЕНЕВУ, и что в этой платформе СТЭН говорит о внутрипартийной демократии.

Э т о г о а б с о л ю т н о н и ч е г о

не было, также как и СТЭН не писал рютинскую платформу. Что под этой, т.е. рютинской, платформой он понимает? Он - САФАРОВ, сам сказал, что она была кулацкой платформой, а не платформой, для которой самым характерным было требование внутрипартийной демократии. В итоге, по моему, у меня не могло быть рютинской платформы, и не мог я говорить, что СТЭН пишет платформу.

Что касается первой части, изложенной САФАРОВЫМ, как его направляли ко мне разные лица, то я судить не могу; возможно, это так и было, что его наталкивали ко мне СМЕРНОВ и СМИЛГА.

Я уже излагал в своих показаниях, что в 1932 году, в связи с трудностями, ходили слухи о моих антипартийных настроениях, что ко мне направляли ряд людей, по всей вероятности, потому, что считали, что у нас с КАМЕНЕВЫМ есть имя по прошлой политической деятельности, что нужно вовлечь в те или другие выступления меня и КАМЕНЕВА. Этого я не могу отрицать и оспаривать.

ВОПРОС ЗИНОВЬЕВУ: Говорил Вам САФАРОВ при своем посещении о переговорах с троцкистами, с ДОМИНАДЗЕ и другими?

ОТВЕТ: С ДОМИНАДЗЕ я не помню, о ШЛЯПНИКОВЕ говорил, но я не придал этому большего значения.

ВОПРОС ЗИНОВЬЕВУ: Говорил ли Вам САФАРОВ о переговорах с МРАЧКОВСКИМ и СМИЛГОЙ?

ОТВЕТ: Допускаю, что говорил о СМИЛГЕ, хотя со СМИЛГОЙ я и сам встречался.

Говорили мы с САФАРОВЫМ об экономическом положении страны, но предложения о платформе я не делал, не говорил, что нужно выступать в борьбе против руководства, а критиковал генеральную линию, ряд экономических мероприятий, которые тогда проводились, говорил, что нет системы.

Что касается моего свидания с САФАРОВЫМ, то, если он говорит, что это было через МАДЬЯРА - я это допускаю. Мне казалось, что ЕВДОКИМОВ предложил мне повидаться с САФАРОВЫМ, возможно, что это было и через МАДЬЯРА.

Добрая половина разговора с САФАРОВЫМ ушла на то, что САФАРОВ излагал свои впечатления об одной из республик, не то Узбекистане, не то Казакстане, где он был, и описывал положение там в самых мрачных красках. Он говорил, что там страшный голод, трупы валяются на улицах, что нельзя проехать на машине, чтобы не встретить труп. О Казакстане я слышал из других источников, в том же стиле.

Что же касается других настроений, то они были колеблющиеся, но ничего я не говорил о том, что говорил здесь САФАРОВ. Например, об окрестыянивании пролетариата я не говорил, также не говорил о том, что чрезмерно много принято в партию. Меня всегда обвиняли в обратном, что я слишком много хотел пустить в партию.

САФАРОВ: Это, когда не было пятилетки!

ЗИНОВЬЕВ: Этого я не мог говорить, а относительно коллективного письма я не помню.

ВОПРОС ЗИНОВЬЕВУ: Вы все время ссылаетесь на плохую память и забывчивость, нужно ответы давать точные.

О Т В Е Т: Если бы это письмо было, я, вероятно, высказался бы против, потому, что не хотел борьбы и организационного выступления. Говорил о группе сомнений по крестьянскому вопросу, но о пути коллективизации в целом — различных с партией взглядов не было, тоже самое, как и о молодежи, не допускаю, чтобы я мог говорить о ^{ее} чрезмерно большой роли.

Я мог жаловаться, что старым кадровикам не дают ходу — это верно, что не доверяют старым работникам — это могло быть, я мог это говорить.

Дальше САФАРОВ говорит о связи со СМЛГой и МРАЧЮВСКИМ; тут у САФАРОВА плохо получается, что я хотел его (САФАРОВА) выдать за "полпреда" перед МРАЧЮВСКИМ и СМЛГой, но зачем мне нужно было это делать, когда могли рассматривать моим "полпредом" ЕВДОКИМОВА? Это непонятно.

Все, что я помню по этому делу, это то, что сказал мне ЕВДОКИМОВ перед моим отъездом в Кустанай. Он сказал мне, что ему И.Н. СМЕР-

НОВ предложил связаться и посоветаться со СМИРНОВЫМ, МРАЧКОВСКИМ и, насколько помню, с ВАГАНЬЯНОМ. Не знаю - можно ли было верить, или нет СМІРНОВУ, но он в разговоре с ЕВДОКИМОВЫМ заявил, что не считает себя в данную минуту троцкистом, что Троцкий скатился в к.-р. лагерь, но что СМІРНОВ и его люди недовольны положением вещей в партии и в стране и хотели бы выяснить "наши", т.е. "зиновьевцев", взгляды на положение. Я высказался против этого, ЕВДОКИМОВ дал отрицательный ответ и никакого совещания не состоялось. О встрече ЕВДОКИМОВА в вагоне с МРАЧКОВСКИМ и другими - я не знаю, надо выяснить: была ли эта встреча до моего отъезда или после.

ВОПРОС ЗИНОВЬЕВУ: Имел ли какие-нибудь основания ЕВДОКИМОВ скрывать от Вас посещение им МРАЧКОВСКОГО в вагоне?

О т в е т: Не думаю. Может быть, эта встреча и была до моего отъезда, но я не помню.

САФАРОВ: Это было до отъезда, потому что об аресте СТЭНА тогда не было и речи.

ЗИНОВЬЕВ: Самый факт встречи в вагоне ЕВДОКИМОВ мне не передавал, но что к нему обращался СМІРНОВ с указанным предложением - он мне сказал.

Что касается ленинградских связей, то в разговоре с САФАРОВЫМ об этом не было и речи и не могло быть, так как я в течение ряда лет связи с Ленинградом не поддерживал. В 1929г. я считал, что найдутся такие люди и в Москве и в Ленинграде, и даже в большом количестве, которые поддержат меня в случае дискуссии в партии. Но теперь этих связей не было. Пусть САФАРОВ скажет какая связь, о чем шла речь и т.д.

САФАРОВ сказал о свидании ПЕРЕВЕРЗЕВА Петра, Шуры САФОНОВОЙ, но я должен сказать, что ПЕРЕВЕРЗЕВА я видел в 1927 году, а САФОНОВУ я не видел и не слышал этого имени в связи с ЕВДОКИМОВЫМ.

Что касается того, что ряд разговоров ходил вокруг меня, потому что я мог бы-де объединить новый блок и противопоставить себя партии - это верно. Что у меня были колебания в 1932 году - это тоже

верно, они были связаны тогда с крестьянским вопросом. Что я высказал САФАРОВУ ряд антипартийных соображений - это верно, но относительно платформы, что "сядем и напишем", - об этом речи не было. Я уехал из Москвы 12-го декабря, а свидание с САФАРОВЫМ было в июле. Если бы речь шла о выработке платформы, то кто мешал нам начать писать?

Я не смотрел в это время на САФАРОВА, как на представителя какой-нибудь группы, а как на старого товарища, который был связан с ленинградской оппозицией и т.д. Верно, мне доставляло некоторое удовольствие, что САФАРОВ, который после XV-го съезда называл меня и др. капитулянтами, изменниками и т.д., что он должен был признать, что эти обвинения были неверны.

Он говорит, что я хвалил КОМАРОВА и УГЛАНОВА, что это "наши люди" и т.д. Это САФАРОВЫМ неясно сказано, но я знаю, что с КОМАРОВЫМ и УГЛАНОВЫМ ничего общего у меня не было. Если с такими правыми, как БУХАРИН и ТОМСКИЙ, я поддерживал связь, то это была старейшая связь, до поры, - до времени, были личное и взаимное уважение, так как они были когда то членами Политбюро и т.п. Что касается УГЛАНОВА, то у меня было отрицательное отношение к нему еще при жизни ЛЕНИНА. КОМАРОВА я считал правым и никакого личного и политического контакта с ним у меня не могло быть, и хвалить его я не мог.

Я подтверждаю, что в 1932 г. у меня были сильные антипартийные колебания, но не было ничего цельного, никаких цельных взглядов, которые выразились бы в желании выработать платформу или в желании написать письмо в ЦК. Было желание всех послушать и выждать, как будут развиваться события.

САДАРОВ говорит будто бы я в ЦКК при разборе рутинского дела держался демонстративно и заявил, что страна переживает чувство тревоги. Я заявил, что "в воздухе носится неопределенная идея отступления" - это было.

Если взять, что говорил СОЛЫЦ, что говорили в те времена правые, и если взять те колебания, которые у меня самого были по части темпов коллективизации, что рассказал САДАРОВ о Казакстане, - то эта была неопределенная идея отступления, которое /отступление/ я отвергал и в то же время к нему скатывался. Никаких демонстраций в ЦКК с моей стороны не было. Моя ошибка заключается в том, что я не изложил в ЦКК всех имен тех, кто пытался сколотить антипартийный блок, что было у ЕВДОКИМОВА со СМИРНОВЫМ и т. д. Это было мое преступление, но никаких демонстраций в ЦКК я не учинял.

САДАРОВ: Я припоминаю, что у меня было два свидания с ЗИНОВЬЕВЫМ. Первое свидание - обстоятельное - о котором я говорил. Второе - когда я вернулся из отпуска; я был в Казакстане, к этому относится изложение положения в Казакстане, о котором говорил ЗИНОВЬЕВ.

Я вернулся к 1 сентября. В течение августа я был в Казакстане. ЗИНОВЬЕВ утверждает, что СМИЛГА мне не излагал какую либо платформу, но только критиковал и у него, как и у ЗИНОВЬЕВА были "сильно колебательные настроения".

Эти утверждения совершенно не вероятны потому, что разговор идет среди достаточно политически развитых людей для того, чтобы понять, что определенные взгляды излагались с известной последовательностью, взгляды развивались вокруг одного определенного стержня, суммировались в определенную систему к.-р. взглядов.

Не мне обяснять ЗИНОВЬЕВУ, что у СМИЛГИ была такая система взглядов, что, как говорил ЗИНОВЬЕВ, "можно было сесть за стол и запи-

са ть платформу".

Я удивляюсь, как можно утверждать, что не было сколачивания блока, не было попытки к объединению всех группировок. Я категорически настаиваю на том, что ЗИНОВЬЕВ совершенно точно сказал: "Смотрите, на сталинский актив - на СТЭНА и ДОМНАДЗЕ. Я теперь ближе познакомился со СТЭНОМ, и СТЭН не может спокойно говорить об этом руководстве". Это буквальные слова. Что "кулацкая платформа и внутри партийная демократия не вяжутся", я не думаю, что нужно здесь объяснять, почему неверно утверждение ЗИНОВЬЕВА.

ЗИНОВЬЕВ сказал, что "СТАЛИН делает в два года то, что ЛЕНИН предлагал делать в 10-20 лет. Отсюда почти готовая размычка с крестьянством". Разве это - не от кулацкой платформы?

Все наши разговоры, обсуждения и дискуссии сводились к тому, что мы выражали собой настроения буржуазно-реставраторской реакции против социализма. Вы говорите: "колебания?" Это - когда колеблются в разные стороны.

Укажите хотя бы одну положительную идею, которая была у нас в арсенале, хоть одну идею, которая бы не сводилась к тому, что "там СТАЛИН перегнул, здесь перегнул, здесь нужно полегче на поворотах, здесь нужны поменьше темпы!". Это и есть реакция против социализма.

Я полагаю, что Вы думаете одно, а следствию говорите другое. Я не могу предположить, что Вы потеряли способность к политическим обобщениям. Дело шло о том, что выращивалась платформа всего к.-р. блока.

Я очень хорошо помню, что я сам говорил. Напрасно ЗИНОВЬЕВ увертывается. Я сам говорил: "То, что делает СТАЛИН в отношении мужика - этого не проделали бы троцкисты - в смысле перегибов; то, что делается в отношении рабочих - этого не проделал бы и ТОМСКИЙ". Вы мне ответили сообщением о впечатлениях КУБЛИНА, сообщениями об ЕМЕЛЬЯНОВЕ, о том, что - вот как чувствуют себя рабочие, как ленинградский коренной рабочий чувствует себя; вы развили теорию перерождения пролетариата.

Мне нет надобности доказывать, что, если в 25-27 г.г. к.-р. оппозиция стояла за расширение пределов партии, то это нисколько не означает, что тоже говорилось в период первой пятилетки. Сейчас пора понять, что мы боролись против этой пятилетки. Мы были представителями буржуазной контрреволюции, выразителями и собирателями ненависти и злобы громимых эксплуататоров. Контрреволюция в условиях пролетарской диктатуры, диктатуры очень крепкой, применяет те методы, которые она может применить. Этому служат контрреволюционные сплетни, провокации, "платформы".

Это оружие имеет очень большое значение для контрреволюции потому, что, когда эти враждебные элементы политически и экономически раздавлены мощью пролетарской диктатуры, они ищут людей, которые бы могли обобщить, выразить и пропагандировать их настроения и вожделения в замаскированном виде, чтобы нанести наиболее тяжелый удар по партии и Советской власти.

Дело идет именно об этом. Дело идет о политической ответственности всех нас, группировавшихся против партии, организовавших борьбу против партии, ту борьбу, которая привела к выстрелу против КИРОВА. Вот о чем идет речь.

ЗИНОВЬЕВ заявляет: "СМИРНОВ говорил ЕВДОКИМОВУ, что ТРОЦКИЙ дорвался до контрреволюции". Я категорически утверждаю, что это не так. Я не столь близок к СМОРНОВУ, с МРАЧКОВСКИМ я очень близок. Я помню, что в доктринерско-литературском ослеплении, я рассуждал так: "Если я признаю, что возможно построение социализма в одной стране, и что троцкисты ошибаются, то это меня гарантирует от того, что сам я не буду контрреволюционером".

Это позорное и гнусное двоедушие было характерно для всей зинovieвской организации. Словесные заявления будто бы являются основанием для того, что мы не были контрреволюционерами!..

Когда я говорил МРАЧКОВСКОМУ о построении социализма в одной стране, о термидоре и о Троцком, он ответил так: "Я не за Троцкого, не за

правых. Мы друг с другом стоворимся, потому что мы хорошо знаем друг друга много лет. Мы - люди известные друг другу и стоворимся друг с другом.

Так сколачивался контрреволюционный блок с дипломатией и умолчаниями, с использованием личных привязанностей и связей, и это было характерно для его беспринципности.

Ленинградские связи ЗИНОВЬЕВУ были известны. Когда я откололся от их группы с группой безвожденцев, бывших комсомольских работников, ставших затем фашистами, РУМЯНЦЕВ был в этой группе. Когда в 1928 г. я подал заявление ЦКК, РУМЯНЦЕВ и другие были "возмущены" тем, что я "слишком много дал". Отсюда сближение с 1928 г. этих ленинградских "безвожденцев", ТОЛМАЗОВА, СЕРЕДОХИНА, КОТОЛЫНОВА и других с зиновьевцами и переход их в зиновьевскую организацию, сохранившую всю свою организационную сеть.

ЕВДОКИМОВ, КУКЛИН, ГЕРТИК, САХОВ регулярно наезжали в Ленинград не к господу богу, а к совершенно определенным лицам, занятым общей контрреволюционной работой. Речь шла о повседневной связи, которая осуществлялась, в частности, через САХОВА, который был в Прокуратуре.

Володька ЛЕВИН достаточно часто сюда ездил, с ним-то и сблизился в первую голову РУМЯНЦЕВ; ЕВДОКИМОВ, ГЕРТИК, КУКЛИН - все были в этой связи. Когда приезжал какой-нибудь зиновьевец в Москву, он бывал либо у Ивана БАКАЕВА, либо у ГЕРТИКА, или у ЕВДОКИМОВА.

Наши встречи в Ильинском выглядят в изложении ЗИНОВЬЕВА анекдотически. Нужно правдиво и точно говорить следствию о фактах, с сознанием той серьезной политической ответственности, совершенно трагической, которая лежит на моих и на Ваших плечах.

Выходит так, что ЗИНОВЬЕВ встречался с САФАРОВЫМ потому, что САФАРОВ вернулся в 1928 г. в партию. Выходит, что так как в бытность его "вождем безвожденцев", САФАРОВ ругал ЗИНОВЬЕВА "капитулянтом", изменником и т.п.", то поэтому в 1932 г., когда у САФАРОВА как раз был припадок ан-

типартийного, антисоветского "бешенства", он встретился с ЗИНОВЬЕВЫМ, чтобы сказать, что "ЗИНОВЬЕВ не был капитулянтом". Это - анекдот!

Я помню, что, когда я говорил ЗИНОВЬЕВУ о платформе, я указывал, что с этим делом нужно поспешить потому, что "нас не сегодня, завтра могут посадить, что мы тогда будет говорить?" Я говорил, что нужно торопиться и предлагал обращение с платформой в ЦК. ЗИНОВЬЕВ отвечал: "Как тут можно торопиться? Сколько нам потребовалось лет, чтобы мы с Вами сошлись на этом пне?"

И этого Вы не помните, если Вы "не знаете" о ленинградских связях?!

ВОПРОС САФАРОВУ: Ответьте на замечание ЗИНОВЬЕВА о том, что в июле-месяце не могли ему говорить о платформе со слов СТЭНА. Вы подтверждаете, что при первой встрече ЗИНОВЬЕВ говорил Вам об этой платформе?

О Т В Е Т: Да, подтверждаю.

ЗИНОВЬЕВ: Вы подтверждаете, что в июле была платформа?

САФАРОВ: Вы тогда выражались на специфическом Вашем языке, что есть "набросок". Вы и я одинаково понимали, что значит этот "набросок". Это была платформа.

ЗИНОВЬЕВ: Что есть набросок и этого я не говорил. Рютинская платформа появилась у меня в конце лета. И о том что идет ее выработка я понятия не имел.

ВОПРОС САФАРОВУ: На предыдущем допросе Вы показали, что зинovieвская к.-р. организация систематически проявляла остро враждебное отношение к руководству ВКП/б/, что это разжигало террористические настроения у участников организации. Подтверждаете ли Вы это?

САФАРОВ: Я подтверждаю. В сегодняшнем изложении разговора "на пне", на даче у ЗИНОВЬЕВА я этот вопрос обошел потому, что сосредоточил внимание на политических и организационных вопросах, касался таких вопросов, которые больше всего должны освежить память ЗИНОВЬЕВА.

Вопрос об отношении к руководству. В этом разговоре в июле в Ильинском ЗИНОВЬЕВ говорил озлобленно против

ЦК, против СТАЛИНА, о том, что нужно убрать это руководство. Я напомню ему фразу, которая, между прочим, постоянно повторялась в нашем центре троцкистско-зиновьевского блока в период 26-27 г.г. "Вы знаете этого человека /при этом он сделал по адресу СТАЛИНА к.-р. злобный выпад/, он способен незаметно влить яд в ухо".

ЗИНОВЬЕВ: Мне уже читали Вашу лживую фразу, которую Вы приписываете мне.

САФАРОВ: Эта фраза впервые была в 26 году произнесена Львом Борисовичем КАМЕНЕВЫМ. На одном собрании центра Вы сказали: " Вот как КАМЕНЕВ прекрасно выразил существо дела".

Эта фраза говорит за себя, чтобы можно было дать соответствующую оценку всему этому.

Я могу напомнить еще и другое, - я говорил тогда, в этом же разговоре с Вами: "Неужели без СТАЛИНА будет лучше? Без СТАЛИНА будет хуже". Но Вы отвечали: "Что-же, это руководство, ничего не в состоянии сделать. Кто руководит в Ленинграде? КИРОВ, ЧУДОВ! КИРОВ занимается больше охотой, до него рабочему не добраться".

Все это говорилось ЗИНОВЬЕВЫМ в подтверждение его тезиса о "бюрократии, стоящей над классами, чуждой рабочему классу".

Затем Ваша передача о беседе между КАМЕНЕВЫМ и ТОМСКИМ о том, что "ЦК - жалкое зрелище?!"

Это система прививки всему своему окружению фашистских настроений внутренней эмигрантщины, система, которая неизбежно должна была питать и питала террористические настроения и тенденции.

Совершенно ясно, что партия отнеслась к нам слишком бережно, не заставив каждого из нас - и Вас и меня в том числе - разоружиться по настоящему, т.-е. выдать ту организационную сеть, с которой мы были связаны и с которой Вы были связаны все время.

Именно эта организационная сеть оказалась той оболочкой, в которой и была выношена пуля, убившая т.КИРОВА. Это давно нужно понять.

Эта система была продолжением всей системы борьбы против партии в 1925-27 г.г., продолжением системы подготовки 14-го съезда партии. Забыли, небось: "Сначала в четверть голоса, потом в полголоса, затем полным голосом?" Вы говорили в полголоса о руководстве и натравливали на него. РУМЯНЦЕВ говорил "полным голосом" и организовал убийство.

ВОПРОС ЗИНОВЬЕВУ: Что вы можете сказать по этому поводу?

ЗИНОВЬЕВ: В своих предыдущих показаниях я сказал в каком смысле и почему морально политическая ответственность за убийство т.КИРОВА лежит и на мне. Я это уже сказал, но мне кажется, что нужно взвешивать каждое слово, не нужно путать детали.

САФАРОВ: Нужно теперь дела взвешивать, а не слова.

ЗИНОВЬЕВ: Дело идет о 10 годах борьбы. Если ко мне было полномочество приезжавших, как говорит САФАРОВ, то когда и в каком году?

Тут САФАРОВ говорил о ругани по адресу т.СТАЛИНА. Если это относится к 26 году, то и КАМЕНЕВ и я могли тогда и хуже сказать.

Конечно, острые к.-р. выпады против партийного руководства имели место, в ходе борьбы, в связи с подготовкой 7-го ноября 1927 г. и непосредственно после этого, в частности, в

связи с Китаем были заявления самые отчаянные, контр-революционные. Эта история всем известна.

Дело идет о том, что было после этого.

Как можно сравнивать то, что было перед 14-м съездом "сначала в полголоса, а на самом съезде полным голосом" с тем, что говорилось потом?

Ясно, что эти к.-р. факты нельзя путать с тем, что было в 1932 г., 1933 и 1934 г.г.

САФАРОВ говорит, что я никогда не порывал к.-р. связи с Ленинградом, может ли он назвать какойнибудь случай, связанный с Ленинградом, может ли он сказать, что я в 1932г, 1933, 1934 г.г. был связан, что я давал директивы, что люди выполняли какиенибудь мои поручения?

Он создает впечатление, что он все признает, а я нет.

Я знаю, какую ответственность я должен нести, особенно после того, что мне сказал следователь о суде. Я готов сказать все, что я знаю, но я не могу сказать того, чего не было.

ВОПРОС ЗИНОВЬЕВУ: Когда Вам задают конкретный вопрос, Вы всегда ссылаетесь на Вашу забывчивость, на ваше беспамятство, или отрицаете вовсе. Надо отвечать следствию по существу поставленных Вам вопросов.

ОТВЕТ: Конечно, на протяжении десяти лет, с моим прошлым, трудно, чтобы у меня не было забывчивости.

Может ли САФАРОВ сказать в какое время было паломничество ко мне? Может ли он сказать, что это было в 1933, 32 и 34 г.г.?

У него могут быть догадки, но нет таких фактов.

Конечно, путешествовали ко мне в 27, 28, 29 г.г., но не могло быть этого позже.

ВОПРОС ЗИНОВЬЕВУ: Подтверждаете ли Вы разговор о партийном руководстве в 1932 году при встрече с САФАРОВЫМ?

ЗИНОВЬЕВ: Конечно, был разговор о руководстве, но не в таком стиле, как передает САФАРОВ. Не могло быть таких острых разговоров, как передает САФАРОВ.

Пятилетка явно показала, что, в основном, линия партии оправдалась; конечно, мы сомневались, колебались, так как пятилетка нам и не снилась.

Мысль работала как в мышеловке, что вот там в деревне бедняк, что нужно его поддержать, нужно дать ему лошадь, но мне и не снился этот путь - путь пятилетки.

Ясно, что в 1932 г. были трудности, которые вызвали у нашей группы враждебность к отдельным мероприятиям партии. Это создавало у нас настроения не дружественные.

ВОПРОС ЗИНОВЬЕВУ: Что значит "не дружественные настроения"?

ОТВЕТ: Враждебные, вернее антипартийные. Отсюда вытекало, что я не сообщил о СТЭНЕ, не сумел сказать открыто о попытках сколотить антипартийный блок, о переговорах с троцкистами и т.д.: Но в Ленинграде не было у нас организации.

САФАРОВ: Если бы не было, тогда не могло бы быть и выстрела в КИРОВА.

ЗИНОВЬЕВ: Выстрел в КИРОВА - это дело фашистской группы, но в своих предыдущих показаниях я сказал, почему и в каком смысле я даже и за нее отвечаю, так как в прошлом с шестью лицами был связан.

Я вначале на следствии возмущался, что нет-ни в каком случае я не виновен за выстрел в т. КИРОВА, но, когда я увидел, что из 14-ти человек, напечатанных в газете, я знаю шестерых

лично, что они были в антипартийной группе, где был и я, когда они ссылаются прямо на платформу 1925-1927 г.г., в выработке которой я участвовал, то я должен сказать, что я несу морально-политическую ответственность.

ВОПРОС ЗИНОВЬЕВУ: О каких шести лицах вы говорите?

ОТВЕТ: Мне дали прочитать газету, и я нашел в обвинительном акте знакомых мне шесть человек, а именно: РУМЯНЦЕВ, КОТОЛЫНОВ, ТОЛМАЗОВ, ЛЕВИН, МЯСНИКОВ, МАНДЕЛЬШТАМ, остальных я не знаю.

Когда я это увидел, то понял, что действительно исторически сложилось так, что морально-политическую ответственность несу и я.

Я надеюсь, что следствие должно видеть объективные факты в деле об убийстве т.КИРОВА.

Но не было того, что я в 1932 г. ругал в разговоре с САФАРОВЫМ СТАЛИНА и отсюда вытекал выстрел. Нужно видеть, как все это действительно было.

САФАРОВ здесь упоминал относительно двух свиданий. Мне неприятно, что я не помню, но, видимо, это было так. Между июлем и сентябрем два месяца. Почему тогда за два месяца не была выработана платформа, которую мы хотели, якобы, выработать и о чем же мы говорили с САФАРОВЫМ в сентябре при втором свидании?

По-моему, если Вы проверите, то убедитесь, что в июле не было у меня никакой платформы от СТЭНА, в сентябре - я допускаю, что эту платформу я уже читал, но я не мог говорить о ней, при обсуждении, как о "стенновской" платформе.

О СТЭНЕ я говорил, что он лучший среди сталинской молодежи, и мог высказывать удовлетворение тем, что тот, который

был борцом против меня, теперь со мной и казалось-де, что я был частично прав.

Верно то, что, глядя теперь назад, я вынужден сказать, что то, что происходило в 1932 г., было антипартийным сговором, контр-революцией.

Мог я говорить САФАРОВУ и об ЕМЕЛЬЯНОВЕ. Я его знаю давно, и Вы знаете какую роль играл он в прошлом. Он был старым рабочим, который действительно говорил мне, что не дает ему ходу. Я мог сослаться на это, но этот рабочий не участвовал в нашей группировке. Об этом я знаю.

САФАРОВ: Оба сына ЕМЕЛЬЯНОВА были в ленинградской оппозиции.

ЗИНОВЬЕВЪ Один сын ЕМЕЛЬЯНОВА был определенным троцкистом. Когда его арестовали я о нем открыто хлопотал /писал, кажется, т.МОЛОТОВУ/, т.к. знал его мальчиком. Человека мог зарваться, думал я. Так вот что я говорил об ЕМЕЛЬЯНОВЕ, но не о поддержании связи с ним.

Не было в 32 году разговора о противопоставлении линии ЦК платформы, не было разговора, что пятилетка никуда не годится и т.д.

У меня были глубочайшие колебания, были элементы сомнений в правильности линии ЦК, но ни о какой платформе и речи не было.

САФАРОВ: Дело в том, что зиновьевская организация в период после 15-го съезда, была приспособлена к условиям особой конспиративной работы "по цепочке", через наезды, встречи, информации, узкие собрания.

Нотариально-заверенных зиновьевских директив я представить не могу. Но ведь организация то работала так, чтобы было поменьше письменных следов. Шла устная передача, передача

по цепочке. Причем дело было так; что скажешь в Москве, то будет слышно в Ленинграде. Это совершенно точно и можно привести отдельные факты.

В 1932 году я приезжал в Ленинград, зашел к КОТОЛЬНОВУ домой, и он мне сообщил о моих оценках работ Коминтерна, о настроениях и о положении дел в Коминтерне, когда я ему начал рассказывать об этих вещах.

ВОПРОС САФАРОВУ: Вы из этого какой вывод делаете?

ОТВЕТ: Тот вывод, что разговор, какой я имел с ЗИНОВЬЕВЫМ, МАДЬЯРОМ и ЕВДОКИМОВЫМ, стал достоянием КОТОЛЬНОВА.

ВОПРОС САФАРОВУ: Это было в 1932 году?

ОТВЕТ: Да, летом 1932 года. Дело шло о конкретных вещах, дело не в том, что САФАРОВ отрицательно отнесся к положению в Коминтерне. Я утверждал, что "не проводят когда нужно тактику единого фронта" /я об этом написал в своих показаниях/, что "будет крутой поворот, резкий удар и скатятся снова к англо-русскому комитету". Эти детали КОТОЛЬНОВ не мог поймать с воздуха, они передают известную концепцию.

Я просто обезоружен специфическим зиновьевским "неведением" и "забвением" всего, что было.

С ЕВДОКИМОВЫМ ленинградцы были непосредственно связаны. А кто не знал, что "все новости нужно получать у ЕВДОКИМОВА, ГЕРТИКА, БАКАЕВА?" В 1932 году встречаю Николая ДМИТРИЕВА. Спрашиваю: "Откуда идешь?" Отвечает: "От ГЕРТИКА, был у ЕВДОКИМОВА". Встречаю Яков ЕЛЬКОВИЧА - говорит тоже самое.

Что я буду говорить о 1928-29 г.г., когда я тогда стоял на достаточно далеком расстоянии от вас! Я говорю о 32 годе.

Разве это - не организация, если почти на следующий день после того, как я разговаривал с ЗИНОВЬЕВЫМ, прихожу к ГЕРЦБЕРГУ

- 28 -

и он поздравляет меня с тем, что я вернулся к ним. Откуда это им стало известно? Никаких свидетелей при разговоре не было!

Я должен напомнить мелочи. У ЗИНОВЬЕВА была домашняя работница, которая раньше работала у нас, и я сказал: "Зачем Вы взяли эту старуху? Завтра же все будет известно в ОГПУ. Давайте лучше посидим и поговорим в саду". И этого не помните?

По цепочке вашей связи все разносилось, как по подпольному радио. Вы преступление пытаетесь изобразить в виде невинного грешника. По Вашему, РУМЯНЦЕВ и КОТОЛЬНОВ стали фашистами в 1934 году, потому что "ложно истолковали" то, что говорил ЗИНОВЬЕВ в 1925 году?!

В 1933 году ко мне пришел ТОЛМАЗОВ и СЕРЕДОХИН в Коминтерн и говорят: "Теперь все сошлись".

ВОПРОС САФАРОВУ: Кто все?

ОТВЕТ: Это ленинградцы.

ЗИНОВЬЕВ: В 1933 году?

САФАРОВ: Да, в 1933 году! Можно перебрать десятки случаев, которые указывают на расчлененную и развитую организационную связь контр-революционного подполья, нити которой шли к ЗИНОВЬЕВУ. Вот еще пример.

После провала стеновской группы, КНОРИН делал информацию для узкого партийного актива в Коминтерне. Я рассказал ЕВДОКИМОВУ. После этого встретился на квартире УФИМЦЕВА с Сашей СИМАШЮ, и она мне передает во всех деталях эту мою информацию. На следующий день я сказал МАДЬЯРУ, что с зиновьевцами невозможно иметь дела, - "если люди думают о политической деятельности, то что это за беспроволочный телеграф? Сегодня я говорил ЕВДОКИМОВУ, на следующий день мне преподносят мою информацию другие".

Десятки таких случаев можно привести. Также, как радио заменяет газеты, контр-революционные слухи и "информации" могут заменить радио в конспиративной антипартийной работе.

Я удивляюсь, как ЗИНОВЬЕВ "не видит" всего этого.

Теперь история с группой бывших комсомольцев. Это была группа, непосредственно отошедшая вместе со мной, отколовшаяся от зиновьевской оппозиции.

Что происходит, когда я подал заявление в партию? Совершенно естественно, что другие делают вывод, что старые разногласия, которые были между ЗИНОВЬЕВЫМ и мною они стираются и я не имею оснований звать ЗИНОВЬЕВА предателем и капитулянтом.

Тогда РУМЯНЦЕВ, КОТОЛЬНОВ и другие возмущались моим заявлением в ЦКК, говорили, что я "слишком много дал". В Ленинграде, когда я был в 1928 году, я встретил возмущение среди большинства "безвозденцев" и они осуждали меня. На этой почве и началось перекочевывание в зиновьевскую организацию.

В 1929 г. происходит сближение РУМЯНЦЕВА с Владимиром ЛЕВИНЫМ. Раньше РУМЯНЦЕВ не мог видеть его и считал ЛЕВИНА стопроцентным зиновьевцем, который только и творит то, что ему скажет "вождь". А тут "вдруг" они нашли контакт в контр-революционной работе!

Зачем говорить вещи, которые не соответствуют действительности?

ЗИНОВЬЕВ заявляет, что я представляю все "в ужасном свете". Дело заключается не в моих словах, а в фактах, в их политическом существе. По Вашей цепочке передавались все сведения, о моем возвращении к Вам было разнесено по всем закоулкам, потому что это "подымало дух" участников к.-р. работы, поскольку в области этой работы я пользовался известным авторитетом.

Надо принимать на себя политическую ответственность за преступление, а не болтать о "глубоких элементах сомнений". Я не знаю, где тут серьезное отношение к делу?" "Элементы сомнений!" "ЦК никуда не годится, его надо убрать", это называется "элементами сомнений!".

У нас совершенно противоположные взгляды на вещи.

Подлое убийство КИРОВА фашистами заставило меня додумать до конца и оценить весь наш позорный путь. Позорно, что лишь эта трагедия заставила схватиться за головы. Но Вы этого не додумали. Вы не хотите назвать вещи своими именами.

При встрече с ЗИНОВЬЕВЫМ в сентябре 1932 г. мы говорили о делах Коминтерна и о Казакстане. О делах Коминтерна ЗИНОВЬЕВ говорил так: "Гитлер наступает, партия беспомощна перед наступлением Гитлера, партия не применяет тактики единого фронта, и Гитлер нас сомнет". Отсюда пораженческая политика.

О Казакстане Вы сказали, что уже имеете информацию.

ЗИНОВЬЕВ: Я просил, чтобы САФАРОВ назвал факты о связях последних лет. Он говорит, что когда видел КОТОЛЬНОВА в 1932 г. тот передавал сведения из разговора САФАРОВА со мной. САФАРОВ сам говорит, что он был в это время связан и с МРАЧКОВСКИМ и ШЛЯПНИКОВЫМ.

САФАРОВ: С которыми не был связан КОТОЛЬНОВ.

ЗИНОВЬЕВ: Из слов САФАРОВА вытекает далее, что он был в это же время связан и с ШАЦКИНЫМ, ЛОМИНАДЗЕ, который /т.е. ЛОМИНАДЗЕ/ к нему бегал и интересовался всеми вопросами Коминтерна. У них была своя линия связи с б.комсомольцами, ибо они тоже работали в комсомоле. САФАРОВ имел в это же время и свою линию связи с молодежью, с троцкистами он тоже был связан.

- 31 -

Если КОТОЛЫНОВ знал, что говорил о нем САФАРОВ, что-же выходит, что я сообщил по цепочке КОТОЛЫНОВУ? Но этого не было и быть не могло.

САФАРОВ говорит, что он сам виделся с КОТОЛЫНОВЫМ в 1932 году, имея с ним непосредственную связь. Сколько было промежуточных свиданий, Вы, САФАРОВ, помните? Конечно, не помните. Почему же осведомленность КОТОЛЫНОВА о моем разговоре с САФАРОВЫМ идет от меня?

Я не знал, где КОТОЛЫНОВ, и несколько лет не имел об этом понятия. САФАРОВ говорит, что встречал людей, которые шли по улице от БАКАЕВА. Это, должно быть, верно. Значит САФАРОВ знал об этих связях.

Я говорил следствию, что у ЕВДОКИМОВА, БАКАЕВА и др. были родственные связи с ленинградцами. К ним приезжали из Ленинграда, ночевали у них, но какое это имеет отношение в последние годы ко мне?

Всетаки есть разница, что люди ночевали и что есть какая-то организация.

ВОПРОС ЗИНОВЬЕВУ: Ваш ответ не серьезен.

ЗИНОВЬЕВ: Люди были связаны десятками лет, когда никакой связи с к.-р. работой не имели. Нельзя все путать в один клубок. По бытовой, по обывательской линии, по товарищеской, конечно, связь была. Я допускаю, что в Питере тоже была связь, но что общего это имеет с тем, что существовала организация до самого последнего времени "по цепочкам" - я не понимаю.

ВОПРОС ЗИНОВЬЕВУ: Это подтверждают десятки Ваших единомышленников, показавших, как происходила нелегальная связь по цепочке и без цепочки, а Вы все сводите к обывательским пересудам.

- 32 -

ЗИНОВЬЕВ: Со мной в последние годы из ленинградцев никто не был связан.

ВОПРОС ЗИНОВЬЕВУ: Установлено, что все идет от Вас, как от первоначального источника.

ОТВЕТ: В последние годы не может этого быть, я знаю это пре-восходно.

ВОПРОС ЗИНОВЬЕВУ: Что Вы можете еще добавить?

ЗИНОВЬЕВ: Все, что я знал - сказал. Больше ничего не могу добавить.

На поставленные мне вопросы ответы записаны правильно:
ЗИНОВЬЕВ.

На поставленные мне вопросы ответы записаны правильно:
Г.САФАРОВ.

ОЧНУЮ СТАВКУ ПРОВЕЛИ:

ЗАМ НАРКОМА ВН. ДЕЛ СССР - АГРАНОВ.

НАЧ ЭКО ГУТБ НКВД СССР - МИРОНОВ.

ЗАМ НАЧ СПО ГУТБ НКВД СССР - ЛЮШКОВ.

НАЧ I ОТД СПО ГУТБ НКВД СССР - ПЕТРОВСКИЙ.

Верно: